

Петр Павлович Ершов

Сузге

Сузге Сибирское предание

1

*Царь Кучум один владеет
Всей Сибирскою землею;
Обь, Иртыш, Тобол с Вагаем
Одному ему подвластны;
Он берет со многих дани;
Сам не платит никому.
Царь Кучум, сидя в Искере,
С утра раннего до ночи
Пишет царские приказы,
Рассылает повеленья
От Урала до Алтая, —
По сибирской всей земле.
Много силы у Кучума,
Много всякого богатства:
Драгоценные каменья,
Из монистов ожерелья,
Черный соболь и лисица,
Золото и серебро.
Царь Кучум живет в палатах,
Ест с серебряного блюда,
Из ковша пьет золотого,
Спит под шелковым навесом,*

На пуховых на постелях,
Ходит мягко по коврам.
У того царя Кучума
Две подруги молодые,
Две пригожие царицы,
Полногруды, белолицы:
У одной глаза, как небо,
У другой глаза, как ночь.
Царь Кучум обеих любит,
Царь Кучум обеих нежит,
С алой розы умывает,
В шелк, в монисты наряжает,
И дородство, и пригожество
Пуще глаза бережет.

2

Раз ополдень царь Сибири
От трудов своих от царских
Отдыхал на мягком ложе.
Вдруг к нему, к царю, подходит,
Легкой ножкой чуть ступая,
Черноглазая Сузге.
"Мой супруг и повелитель,
Царь Кучум! Твоя рабыня
Хочет нынче женской просьбой
Утрудить твое вниманье", —

Так к нему, царю, вещает
Черноглазая Сузге.
Царь Сибири, усмехаясь,
Взял пригожую царицу,
Посадил к себе на ложе,
И, обняв рукою правой, —
"Расскажи, моя царица", —
Молвил ласково ей он.
"Мой супруг и повелитель! —
Говорит Сузге Кучуму. —
Велико твое владенье,
Хороши твои усадьбы;
Но одно твое селенье
Лучше кажется мне всех.
Там есть холм один высокий,
С двух сторон — стеною горы,
С двух сторон — ковром равнина;
У холма же, словно лента,
Ручеек бежит в равнину,
И вдали шумит Иртыш.
Прикажи мне, мой властитель,
Там построить терем царский
И позволь твоей рабыне
В этом тереме веселом
Встретить вешнюю зарницу,
Красно лето проводить".
"Будет!" — молвит царь Сибири.
"Да еще одно прошение:

Прикажи срубить мне судно,
Снарядить его прибором,
Тонким парусом с подзором,
Чтоб вечернею порою
Мне гулять по Иртышу".
"Будет!" — молвит царь Сибири.
"Да еще одно прошение:
Приезжай два раз в неделю
Навестить твою рабыню,
Слово ласково промолвить,
Ложе ночью разделить".
"Будет! — молвит царь Сибири. —
В три недели приготовят
На холму веселый терем,
На реке — с прибором судно,
И два раз в неделю буду
Я в твой терем приезжать".

3

Время срочное минуло:
На холме Сузге высоком
Красовался царский терем —
С переходами резными,
Со ставнями расписными,
С узорочною оградой
И с перильчатым крыльцом.

Пихты, лиственницы, ели
Осеньют царский терем;
Над ручьем белеет полог;
От крыльца к ручью, по скату,
Вьется легкая дорожка
И теряется в цветах.
По равнине, по широкой,
От реки до гор далеких,
Ходят воины Кучума,
Стерегут тот терем царский,
Гладят бороду седую,
Саблей звонкою стучат.
По реке гуляет судно,
Двадцать весел плещут воду,
Белый парус наготове
Развернуться полной грудью,
Заплескаться в волнах кипучих,
Судно легкое нести.
За весной приходит лето,
Убирает всю природу
В разноцветную одежду:
Тал, березу рядит в зелень,
Куст шиповника румянит,
Вяжет лентами цветы,
Вся земля пирует лето;
Вся Сибирь пирует лето:
Но на всей земле Сибирской
Нет прекраснее Сузгуна,

Где живет луна-царица,
Черноглазая Сузге.

4

Зной полудня утихает;
С гор, увенчанных лесами,
Ветерок летит прохладный.
Вот из терема выходят
По решетчатым воротам
Шесть татарок молодых,
И встают они попарно
В обе стороны по скату,
Ждут царицу молодую,
Чтоб вести ее под полог —
В сокровенную купальню
Тихоструйного ручья.
Вот является царица,
Легкой серною мелькает
По излучистой дорожке;
И спешат за ней рабыни
Снять ревнивые покровы
С их царицы молодой.
Белый полог застегнулся...
Слышны речи, слышен хохот,
Звонкий плеск прозрачной вла-
ги, —

И на пологe широком,
В легких очерках видений
Тени зыблются порой.
Вечер. Кончилось купанье.
Снова полог расстегнулся,
И царица молодая
(Щеки розами горят)
Вновь мелькнула по дорожке
Легкой серною на холм
И под пихтою душистой
Опустилася, слабея,
На узорчатые ткани.
И несет одна девица
Прохладительный напиток
Ей в сосуде золотом.
Вкруг Суэге ее рабыни
Черну косу выжимают,
Чешут гребнем, разделяют,
В плетеницы завивают
И жемчужную повязку
В косу пышную плетут.
Пьет царица молодая
Прохладительный напиток.
Словно пламя — пышут щеки;
Словно звезды — блещут очи;
Словно волны — дышат груди;
Так бела и так свежа!
На коврах лежа узорных,

Приклонив к руке головку,
В упоительном раскиде —
То ли розою востока,
То ли гурией пророка
Тут казалась Сузге.
А над нею полной чашей
Беспредельного сиянья
Небо лета развернулось;
А пред нею — горы, доли,
Бесконечная равнина,
Вечноплещущий Иртыш!..
В легкий сон Сузге склонилась,
И любимая рабыня,
На колени став пред нею,
Обвевала опахалом
И пылающие щеки,
И трепещущую грудь.

5

Спит царица молодая
Под вечернею прохладой,
А у ног ее рабыни
За узорным рукодельем
Чуть-чуть слышными речами
Говорят промеж собой.
Чудны женские рассказы!

Будто полночью глубокой
На мысу одном высоком
По три раза проходили
Цвета белого собака
И как уголь черный волк;
С воем грызлись меж собою,
И в последний раз собака
Растерзала злого волка.
Будто с той же ночи всюду
Меж сибирскими лесами
Чудным образом и видом
Вдруг береза зацвела;
Будто в полдень на востоке
Облака являют город
С полумесяцем на башне,
И подует ветер с Урала,
И снесет тот полумесяц,
И навевет чудный знак;
Будто в полночь вдруг заблещет
Над могилами Искера
Яркий свет звездой кровавой,
И послышится стук сабель,
И неведомый им говор,
И какой-то страшный треск,
Что-то будет с ханским цар-
ством!
А недаром же татары
Собираются к мечетям:

*Сердце чует про невзгону,
Тишина — предвестник бури:
Где ж зачнется та гроза?*

6

*Всходит утро над Сузгуном.
Вдруг к Сузге в высокий терем
Старшина седой приходит;
Торопливо просит видеть
Через рабынь свою царицу,
Молвить важные ей вести,
Слово нужное сказать.
И царица призывает
Старшину в свою светлицу,
И волнистою фатою,
Словно облаком летучим,
Осторожно закрывает
Полнолунное лицо.
Вскоре входит старый воин.
Скинув шапку меховую,
Он честит Сузге поклоном.
"Вести важные, царица!
Здесь гонец царя Кучума,
Сохрани его Алла!
К нам от западной границы,
От крутых верхов Урала,*

Без призыву, без прошенья,
Вдруг пожаловали гости
И пируют нашей кровью
По сибирской всей земле.
Царь Кучум гонцов отправил,
Чтоб со всех сторон Сибири
Для защиты, для отпора
Собирались стар и молод;
Чтобы все свои селенья
Укрепляли в тот же час.
И к тебе гонец, царица!
Царь Кучум велит, не медля,
Строить стены и бойницы,
Делать валы и ограды,
Снаряжать себя довольством,
Рать осадную собирать". —
"А далеко ль эти гости?" —
Старшину Сузге спросила.
"А когда б стрела летела
Час один с одною силой,
Так к концу она упала б
В их неверные шатры".
И дает Сузге-царица
Старшине тому седому
Тихо умные приказы.
И послушный старый воин
Ей клянется головою
Все исполнить, как велит.

Спеет дружная работа:
С утра раннего до ночи
Сто работников послушных
Носят камни, возят бревна,
Роят рвы и сыплют валы —
Укрепляют царский холм.
Вот проходят две недели,
И Сузге веселый терем
Смотрит грозною твердыней:
Обнесен вокруг стенами,
Обведен высоким валом,
Окружен глубоким рвом..
А другая — на восток,
Там, где стелется равнина
Бесконечной полосой.
И с бойниц тех непрерывно
Смотрят в даль сторожевые
И при каждом появлении
Незнакомых лиц в равнине
Вызывают громким криком
На бойницы весь отряд.
И гонец, два раза в сутки,
Скачет шибко за вестями
От Сузгуна до Искера —
Но обратно с каждым разом

*Всё нерадостные вести
Он привозит от царя.*

8

*Раз, вечернею порою,
В те часы, когда молитву
Правoverные свершали,
А Сузге в своей светлице
Думу думала — нежданно
Быстро входит воин к ней.
Грозен вид его сердитый;
Лоб наморщен, губы гневом
Сведены; глаза сверкают.
Ни поклона, ни привета
Он не делает царице
И не смотрит на нее.
"Брат!" — царица восклицает,
И встает поспешно с места,
И сжимает брату руки.
"Или новое несчастье
Нас постигло? Что ж? Не медли!
Все ли кончено? Скажи!"
Молчалив и гневен воин.
"Что с Кучумом? Что с наро-
дом? —
Вновь царица начинает.*

Или бог совсем оставил
Правоверных?.. Иль пришельцы
Посягнули на царя?"
Вздыхая, вздох тяжёлый —
Был ответ Махмета-Кула.
Вдруг сорвал свою он саблю,
Бросил об пол в сильном гневе
И, закрыв лицо руками, —
"Все погибло! — простонал. —
Пришлецы теперь пируют
В нашем городе Искере;
Наше войско — куча трупов;
Сам Кучум бежал поспешно,
Бросив все свои богатства...
Гибель царства решена!.."
Долго длилось молчанье
Между братом и сестрою.
Вдруг из ясных глаз царицы
Слезы градом покатились:
"Мой супруг! мой повелитель!" —
Громко вскрикнула она.

9

Ходит скорыми шагами
Брат царицы по палатам,

Гнев, печаль его терзают;
А царица молодая
Неподвижно, молчаливо
На ковре своем сидит.
Вдруг Махмет остановился
Пред сестрой и грустно молвил:
"Мне с тобой сегодня ж должно
Разлучиться — пусть погибну,
Если рок велит мне гибнуть!
Да, сестра! Сегодня ж ночью
Я прощусь с тобой. Не бойся!
Без меня тебя не тронут.
Я о жизни не жалею:
Смерть моя спасет тебя.
Подожди! Но если след мой
У тебя наш враг откроет,
Все пропало! Я знаком им,
Я встречался с ними в битвах:
Сам Кучум не так им страшен,
Как твой юный брат Махмет".
"Все ль? Теперь меня послушай. —
Речь царица начинает: —
Если бог велел погибнуть
Всей Сибири, пусть погибнет;
Но пускай и враг наш, русский,
Гибель с нами разделит.
Иль не стало больше средства?
Иль на всей земле сибирской

Нет уж боле человека?
Царь бежал: будь ты царь нынче,
Вороти свое владенье,
Завоюй себе Сибирь!
Слушай — хитрость лучше силы:
Распусти меж русских вести,
Что сидишь ты здесь, в Сузгуне;
И когда наш враг обложит
Это место, ты немедля
Собирай свои дружины.
Будь спокоен! Я сумею
Продержать их под стенами
Столько времени, сколь нужно,
Чтоб тебе собраться с силой.
Тут нагрянь на них отважно —
И Алла — помощник твой!"
Речь окончила царица.
На лице Махмета-Кула
Луч блеснул отрадной мысли.
Нежно обнял он царицу.
"Да исполнится!", — сказал он
И поспешно вышел вон.

10

Царь Кучум в степях горюет
О своем богатом царстве;

А в больших его палатах
Казаки сидят за чарой,
Поминают Русь святую
И московского царя.
Впереди сидит начальник
И большой их воевода,
Первый в бое и в советах,
Тот Ермак ли Тимофеич.
Редко к чаре он коснется
И среди веселья крепко
Думу думает свою.
Справа грозный воевода,
Атаман Кольцо отважный,
Буйну голову повесив;
Слева, весел и разгулен,
С полной чарою глубокой,
Атаман Гроза сидит.
На другом конце пируют
Три другие атамана:
Мещеряк, Михайлов с Паном.
За палатами ж Кучума
На дворе большом гуляют
Удалые казаки.
Светлый день идет на вечер,
А казацкий пир к исходу...
Вдруг большой их воевода,
Тот Ермак ли Тимофеич,
Выпив чашу единым духом,

Быстро встал из-за стола.
"Нет, товарищи! — сказал он, —
Рано нам еще на отдых;
Наше дело зачатое
Довершить сперва надлежит:
Мы Искер один лишь взяли —
Остается взять Сибирь.
К нам дошли худые вести:
Говорят, что царский шурин
Не бежал с царем Кучумом,
Что сидит теперь в Сузгуне,
Что тайком собирает войско,
Чтоб Искер у нас отнять.
Завтра с богом за работу!
Ты, Гроза, пойдешь к Сузгуну
Со своею всей дружиной,
И уж волей, иль неволей,
А возьми Махмета-Кула;
Только помни благость бога,
Не губи напрасно всех.
Ты, Кольцо, сиди в Искере,
Береги его для Руси;
Сам же я пойду с другими
На царя того Сейдяка.
Надо кончить поскорее:
Ведь зима не за горою".
Речь Ермак свою окончил,
Встали тихо атаманы.

"Гой, Ермак наш Тимофеич! —
Громко все они вскричали. —
Ты приказывать нам можешь,
Мы — послушники твои!"

11

На другой день все казаки
До зари еще вставали,
Сабли, ружья вычищали,
Собиралися на площадь,
И в порядке — чином к чину —
Становилися в ряды.
Вот выходит воевода,
Тот Ермак ли Тимофеич
С атаманами своими;
Низко кланяется войску,
И подходит он под знамя,
И дает молитве знак.
И послушно вся дружина,
За воздем склонив колена,
В тишине благоговейной
Молит господа и бога
О победе над врагами,
Не долга — сильна молитва!
Вскоре встали все казаки,
Сабли наголо и дружно

Громким голосом вскричали:
"С нами божеская сила
И угодник Николай!"
Вот Ермак ряды обходит,
Поименно называет
Всех десятников и старших,
Славу Дона поминает,
И богатую добычу,
И прощение царя.
"Гой, товарищи и братцы,
Вы, казаки удалые!
Лучше честно нам погибнуть,
Чем позорною кончиной
На постыдной сгибнуть плахе
И проклятье заслужить".
Шумно тронулись казаки...
То не лебеди, не снеги —
То их парусы белеют;
То не песни соловьины —
То их русские напевы.
Гой, вы, братцы! добрый путь!

12

Не в полудне, не в полночи
Крик орла в выси раздался,
А вечернюю порою

Крикнул воин на бойнице,
Той бойнице ли Сузгунской,
Где синее Иртыш.
То не пчелы вылетают
Из улья с своей царицей,
То татары выбегают
С старшиной своим отважным
На высокие на стены
Грозной крепости Сузге.
Вот являются в равнине
Люди храбрые — казаки,
Впереди их — воевода.
"Ай-да крепость!" — тихо мол-
вит.
"Ай-да крепость!" — повторяют
Все казаки про себя.
"Гой, татары и уланы! —
Крикнул громко воевода. —
Коль живыми быть хотите,
Сдайте нам свою ограду;
Коль погибнуть вы хотите,
Не сдавайте нам ее!" —
"Гой, неверный воевода!
Прежде солнце почернеет,
Прежде наш Иртыш великий
Потечет назад к истоку,
Чем сдадим мы вам ограду", —
Так со стен своих высоких

13

День седьмой уже проходит;
Утомилися казаки;
Утомилися татары.
"Стыд, когда, не взяв, отступим!" —
"Стыд, когда сдадим ограду!"
Вновь напор и вновь отпор.
Наконец, Гроза, с согласия
Всех десятников и старших,
Пишет грамоту и просьбу
К Ермаку такую речью:
"Две недели уж проходят,
А мы все еще не можем
Взять Сузгуна на мечи.
Да и что это за крепость!
Да и что это за люди!
Хоть Махмета не видали,
Но по этому упорству
Думу думаем такую,
Что он верно тут сидит.
Ждем приказа войскового —
Что нам делать. Если снова
Ты велишь держать в осаде

Эту крепость, то мы просим
К нам людей прислать побольше:
Малым крепости не взять.
Вот когда бы в чистом поле
Нам схватиться привелось, —
Это дело бы другое.
А стена покрепче груди,
Хоть и то мечи порядком
Мы сточили об нее".

14

Снова тянется осада.
Двое суток так проходят,
А на третьи, темной ночью,
От Махметова улана
В крепость брошена с известьем
Быстропёрая стрела.
"Бог совсем татар оставил! —
Так известье начинается. —
Три дня ровно, как случилась
Сеча с русскими большая;
Нами правил брат твой храбрый,
Ими властвовал Ермак.
Без главы осталось войско.
Те побиты, те бежали,
А Махмет-Кул взят в полон".

Нет речей в устах царицы!
Нет слезы в глазах несчастной!
А меж тем, как черны тучи,
Думы тяжкие проходят,
Женский ум ее тревожат,
Точат сердце, давят грудь.
О, Сузге, краса-царица!
И последняя надежда
На великого Махмета
Вдруг потеряна! Он пленник!
Царь Кучум — в степях, далеко!
Что ты ждешь еще себе?

15

Ходит бедная царица
По своей опочивальне,
Руки белые ломает,
Взором сумрачным блуждает
И свою тоску-кручину
Так высказывает вслух:
"Знать, то богу так угодно,
Чтоб великое владенье
Повелителя Кучума
Уничтожилось! За что же
Нам беда пришла такая?
Чем прогневали судьбу?"

Я вчера была царицей,
А сегодня, может, буду
Русских пленницей, рабою!
И дитя мое... О боже!
И дитя... О, нет! не можно!
Нет, рабой не буду я!
Наш Сузгун довольно крепок;
Нелегко его взять русским;
Много воинов отважных
Стерегут его и кроют.
Может быть, и, как знать, вскоре
Возвратится царь Кучум...
Но сдержат ли малой горсти
Упадающее царство,
Коль разбито наше войско,
Коль Махмета нет уж боле?
Мне ли, женищине, мне ль можно
Честь и царство поддержать?
Если б был еще воитель,
Равный брату в ратном деле,
Все была б еще надежда;
А теперь сгублю я только
Всех защитников Сузгуна,
И сама — опять в плену!
Что мне делать в этом горе?
Где искать себе спасенья?"
Так царица говорила,
Заливаясь слезами.

Тут позвать она велела
Старшину к себе в покой.
"Долго ль можем мы держаться?"
Старшину она спросила.
"Долго ль? — этого не знаю,
Но пока я жив, царица,
Но пока еще хоть двое
Нас останется в Сузгуне, —
Русским крепости не взять!"
Тяжко, тяжело ты вздохнула,
О, Сузге, моя царица!
Эта верность! эти чувства!
И его ли ты погубишь?..
О, когда б Кучум поболее
Мог иметь таких людей!

16

"Будь здоров, наш воевода!
Милосердием господним
И казачьей нашей силой
Мы побили вновь неверных
На реке на той, Вагае,
Где течет она в Тобол.
Пишешь ты, что в том Сузгуне
Махмет-Кул сидит в ограде.

Диво, если это правда —
А затем что при Вагае
Взяли мы Махмета-Кула
И старшин его в полон,
И меж прочими вестями
Мы узнали, что в Сузгуне
Правит храбрая царица,
А при ней людей немного
И один лишь старшина.
Это молвим не в обиду, —
Крепость, знаем мы, не поле,
И царица, как слышали,
Есть сестра Махмета-Кула.
Так не диво, что невозможно
Вашей храбрости казачьей
Взять Сузгун тот на мечи.
Да еще одно известье:
Ты, Гроза, теперь нам нужен;
День простой еще на месте,
А потом в Искер собирайся.
Пусть царица правит местом,
Мы не с нею брань ведем".
"Прах возьми! — Гроза восклик-
нул,
Прочитав приказ из войска. —
Нас на смех теперь подымут:
В три недели не умели
Нашей храбростью казачьей

С бабой справиться путем!"

17

Вдруг к нему в палату входит
Старшина седой татарский
И, не кланяясь и шапки
Не снимая, атаману
Говорит такую речь:
"Слушай речь моей царицы!
Наша храбрая царица
Сдать Сузгун тебе готова,
Только если ты исполнишь
Три условия ее:
Дать нам всем, татарам, во-
лю —
Это первое условие.
Дать нам судно переехать —
То условие второе.
А последнее условие —
Нам обиды не чинить".
"Поздно ты пришел с проше-
ньем! —
Старшине Гроза промолвил,
Радость в сердце сокрывая. —
Через день придет к Сузгуну
С силой многою-большою

Сам начальник наш, Ермак.
Он без всяких без условий
Ваш Сузгун возьмет с цари-
цей..." —

"Так условия отвергаешь?" —
Старшина спросил нахмурясь.
"Нет! — Гроза ему обратно. —
Я согласен их принять.

Но и вы согласны будьте
На одно мое условие:

Пусть все едут безопасно,
Дам вам волю, дам вам судно,
Но пускай царица ваша
Нам отдаст себя в полон". —

"Ты не жди того, неверный! —
Старшина воскликнул гневно. —
Прежде все вконец погибнем,
Чем мы выдадим царицу!" —

"Это будь по воле вашей, —
Говорит ему Гроза. —

Но еще скажу я слово:
Коль царица согласится
Нам отдаться, пусть опустят
Полумесяц на бойнице.

До зари, никак не больше,
Думу думать вам даю.

Но уж если и с зарею
Не опустят знак с бойницы,

*Не войду тогда я с вами
Ни в какое примиренье!.. " —
"Пусть нас бог теперь рассудит!"
Мрачно молвил старшина.*

18

*Атаман Гроза не сводит
Глаз с высокого Сузгуна:
И надежда, и сомненье
Душу воина колеблют.
Солнце клонится на запад.
Вечер... Смотрит... Спущен знак!
"О, владычица святая!
О, святой христов угодник!
Знать, казаки вам угодны,
Что желание их сердца
Вы исполнили так скоро!" —
Молвит весело Гроза.
Той порой Сузге, царица,
Всех рабынь к себе сзывает
И, скрывая грусть весельем,
Говорит им речь такую,
Глядя весело на них:
"Вы, прислужницы-девицы,
Отпирайте кладовые,
Выносите все наряды,*

Все каменья дорогие
И царицу наряжайте:
Завтра праздник у меня!"
И рабыни отпирают
Кладовые; вынимают
Камни, платья дорогие
И царицу наряжают,
Косу пышную плетут.
Слезы катятся ручьями
У прислужниц; но ни слова
Те девицы не промолвят.
Им известно, что царица
Для свободы их сдается
В плен начальнику чужому.
Жаль им доброй госпожи.
Вот окончены наряды,
И прекрасная царица
Всех прислужниц равной долей
Своеручно наделяет;
Раздает им всем богатства
И целует порознь их.
Тут зовет к себе в светлицу
Старшину того седого.
Благодарствует за службу,
И велит отдать отряду
Всю казну свою большую,
И от имени царицы
Благодарствовать велит.

Ночь покрыла мраком поле,
Землю тьмою обложила.
Спят казаки, спят татары.
Лишь не спит в своей светлице
Несчастливица-царица,
Одинокая Сузге.
Перед ней горит светильник
И, бросая свет дрожащий,
Освещает ту палату,
И роскошное убранство,
И блестящую одежду,
И печальную Сузге.
О, Сузге, краса-царица!
Тяжела тебе ночь эта!
Ты сидишь на мягком ложе,
Опустив на грудь головку
И сложив печально руки
На трепещущей груди.
Ты одета, как невеста,
В драгоценные одежды,
Но глаза твои не блещут
Предрассветною звездою,
Но уста твои не пышат
Цветом розы и любви.
Дума черная, как полночь,

Обвила твой ум, царица,
И тоска, как червь могильный,
Точит сердце молодое.
Велика твоя невзгода!
Тяжела твоя судьба!
Но прими к себе надежду:
Не рабою, но царицей
Почестят тебя в Москве.
О, когда б прошла скорее
Эта ночь твоей печали!
Неподвижна и безмолвна
Все сидит Сузге-царица.
Нет речей для утешенья!
Нету мысли для надежды!
Будто смерти вещей голос
Тихо носится над ней.
Вот блеснул в ее светлице
Светлый луч зари восточной.
"О, мой бог! меня помилуй!" —
Тяжко вскрикнула царица
И упала на подушки,
Задыхаясь от слез.

20

Встало солнце. Пробудились
И казаки, и татары.

Ясный день для всех восходит,
Льет на всех равно сиянье;
Но не все равно встречают
Солнца красного восход!
Вот Гроза к стенам подходит
С удалой своей дружиной;
Вот татары отворяют
Неприступные бойницы,
И вослед за старшиною
Безоружные идут.
Мрачно сходят вниз татары,
Озираяся на стены
И на крепкие бойницы;
Плачут царские девицы,
Обращая взор печальный
На оставленный Сузгун.
Грудь волнуется тоскою;
Но слезы уж нет в глазах.
"Слушай, храбрый воевода! —
Старшина седой промолвил,
Поравнявшись с Грозою. —
Если честь тебе известна,
Ты с царицею поступишь,
Как приличие велит". —
"Будь спокоен, храбрый воин!" —
Старшине в ответ промолвил
Атаман Гроза казачий.
Вот изгнанники проходят

Через широкую равнину,
Вот они реки достигли,
Вот взошли они на судно,
Поклонилися Сузгуну
И исчезли вдалеке.
"Путь счастливый вам", — сказа-
ла

Грустная Сузге-царица,
Обвела вокруг глазами
И, вздохнувши тяжело, тяжело,
С неприступной той бойницы
Тихо вниз она сошла.

21

Входят весело казаки
В крепость грозного Сузгуна;
Впереди их воевода,
Атаман Гроза, и молча
Он прилежно озирает
Покорившийся Сузгун.
Вот идет он в терем царский
Словом ласковым приветить
Несчастливую царицу,
Но в палатах царских пусто.
Он обходит все строенье,
Но царицы нет нигде...

"Где ж она?" — Гроза подумал,
И большое подозренье
В грудь казачую запало.
Злой укор в устах теснится...
Вдруг увидел он царицу
И укор свой удержал.
Под навесом пихт душистых,
Прислоняся головою
К корню дерева, сидела
Одинокая царица.
Вьется ветром покрывало,
Руки сложены на грудь.
Атаман к Сузге подходит,
Перед ней снимает шапку,
Низко кланяется, молвит:
"Будь спокойна ты, царица!
Мы казаки, а не звери,
Бог нам дал теперь победу,
Так грешно бы нам и стыдно,
Благость бога презирая,
Обижать тебя, царица!
Ты о плене позабудешь, —
Слово честное даю".
Но напрасно воевода
Ждет ответа от царицы.
Изумлен ее молчаньем,
Подошел он тихо к ней,
Тихо поднял покрывало

И поспешно отступил.
Мать божия! Не сон ли
Видит он? В лице нет жизни;
Щеки бледностью покрыты,
Льется кровь из-под одежды,
И в глазах полузакрытых
Померкает божий свет.
"Что ты сделала, царица?" —
Вскрикнул громко воевода,
Кровь рукою зажимая.
Вдруг царица задрожала,
На Грозу она взглянула...
Это не был взор отмищенья,
Это был — последний взор!

22

Под наклоном пихт душистых
Собралися все казаки.
И стоят они без шапок;
Два урядника отряда
Насыпают холм могильный.
Тишина лежит кругом!
Вот обряд печальный кончен.
Поклонись сырой могиле,
Говорит Гроза казакам:
"Гой, товарищи казаки!"

Здесь нам нет уж больше дела,
Снаряжайтесь на Искер!"
Ночь спустилася на землю,
Ветер воет по дубраве,
Гонит тучи дождевые,
А Иртыш о круть утеса
Плещет звонкою волной.
Распустив свои ветрила,
Едут добрые казаки.
Льется песня их живая —
Что про матушку про Волгу,
Что про Дон их, Дон родимый,
Что про славу казака.
А вдали, клубясь волнами,
Блещет пламя над Сузгуном —
На стенах его высоких,
На крутых его бойницах...
Рдеет небо полуночи!
Блещут волны Иртыша.

1837